

Я. К. ГРОТ

Воспитание императрицы Екатерины II

Разработка истории Екатерины II у нас только что начинается. До сих пор почти все наши суждения об этой государыне носили чисто панегирический характер; немногие попытки истории ее царствования на русском языке, как-то: Колотова, Сумарокова, Лефорта. Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствием всякой критики, так что нельзя без чувства некоторого смирения, чтоб не сказать более, взять в руки изданные у нас доселе исторические сочинения о Екатерине II. В нашей периодической литературе 1860-х гг. явилось относительно ее времени несколько статей с более серьезным направлением; но их авторы, желая стать на новую точку зрения, впадают в другую крайность: видят во всем одну темную сторону и стараются доказать, что весь блеск царствования Екатерины был внешний, что под ним скрывалась бездна неустройств и страданий народа. Будущему историку предстоит решить, насколько верен такой взгляд. Покуда не следует, однако ж, забывать, что государство, оставленное Екатерине в наследие Анною и Елизаветою, не могло быть пересоздано вдруг: Екатерина пожинала плоды того, что было посеяно после Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала потребности России и старалась удовлетворить их, что она в пределах возможности изменила, исправила многое и заметно подвинула развитие русского народа. Не должно забывать того, что в начале ее царствования писал английский посол Макартней и что всегда оставалось более или менее справедливым: «Ей часто противопоставляются с умыслом препятствия; ее планы велики и разнообразны, но средства, которыми она располагает, не соответствуют цели»*.

* Цит. по: *Raumer Fr. Beiträge zur neueren Geschichte. II. 544.*

В числе русских писателей прежнего времени, высказывавших суждения о Екатерине, замечательное место занимает Державин: как лирик, он с восторгом восхвалял ее достоинства, но впоследствии, как ее статс-секретарь, увидев ее вблизи, он нашел в ней недостатки, на которые указал в своих записках. По его мнению, Екатерина стремилась не безусловно к истине и справедливости, но часто жертвовала ими разным внешним соображениям, желая угодить своим приближенным.

Неумолимыми обвинителями Екатерины, с самого восшествия ее на престол, являются иностранные писатели. Ряд их должно начать с некоторых лиц дипломатического корпуса при ее дворе, не всегда правильно понимавших ее. Прислушиваясь в отзывам о ней иноземцев, невольно спрашиваешь себя: действительно ли она заслуживает той славы, какую пользуется? справедливо ли поступило потомство, поставив ей памятник? не затемняют ли блеска ее побед и государственных дел побуждения холодной, черствой и коварной души, какую в ней видит, например, профессор Герман?

Вопросы эти, однако ж, не должны слишком смущать почитателя Екатерины. Надо помнить, что с самого приезда ее в Россию при дворе и в обществе были две партии, совершенно различно на нее смотревшие. Отголоски той из этих партий, которая не щадила средств очернить и унижить ее, слышатся до сих пор. В неблагоприятных суждениях о Екатерине иностранных писателей нельзя не видеть, по крайней мере очень часто, тайного недоброжелательства к России. Они не могут не чувствовать, хотя, конечно, и не сознаются в том, что для интересов их государств было бы лучше, если б во второй половине прошлого столетия на престоле русском остался Петр III с его благоговением к прусскому королю, с его планом датской войны и другими ошибками. Как простить Екатерине, что она доставила русской национальной политике преобладание в Европе, что она старалась сделать русский народ соперником западных в промышленности, торговле и просвещении, что она понимала необходимость дать в своем государстве перевес русской национальности над чуждыми элементами и не хотела признавать прав завоеванных областей на самостоятельное существование?

Вот вины Екатерины пред иноземными историками, прикрывающими свое неудовольствие обвинением ее в нарушении всех законов житейской нравственности. Таков приговор Шлоссера, который, впрочем, отдает справедливость ее уму, способностям и познаниям, но не может простить ей, что она

сделалась предметом похвал и удивления всего мира. Он упрекает ее в том, что она, «по обычаю прославленных светом дам и мужчин, таких как г-жи Жанлис и Сталь, или как Талейран, усвоила себе все блестящие качества своего времени и своего пола»¹. Он обвиняет ее в последовании политике Макиавеля и философии Дидро и не без досады упоминает, что пока Петр III предавался беспечности и разгулу, она вела дипломатическую переписку и жила вполне русскою жизнью. О Петре III Шлоссер говорит, что если б он царствовал где-нибудь в Германии, то для «терпеливых немцев» был бы не хуже многих других владетельных принцев². Сопоставив таким образом обоих супругов, Шлоссер далее развивает, как безрассудны были все действия Петра, не имевшего ни дальновидности, ни такта, ни чувства простого приличия, и как, напротив, все планы и поступки Екатерины были согласны с самою мудрою политикою и благом России. При этом Шлоссер не замечает сам, в какие странные противоречия он впадает, подвергая Екатерину беспощадному обвинению за все то, чем она возвеличила и прославила Россию. Неоспоримо, что успех не оправдывает всех средств, употребленных для достижения цели; но нельзя же не сознаться, что многое в действиях Екатерины было вынуждено обстоятельствами, поведением ее супруга, и что она, доставив России победы над всеми врагами, грозное положение и славу, мощно двинув русский народ на пути к просвещению и благоустройству, много в своей жизни загладила и приобрела право на признательность потомства. Один из бывших при дворе ее послов справедливо заметил: нельзя не видеть для русских пользы в том, что у нее есть что заглаживать, потому что иначе она бы не действовала с таким усердием и энергиею для снискания любви народа и славы.

Нет сомнения, что слава Екатерины не без пятен, что пред судом Божиим и человеческим она не может быть оправдана во многих из своих дел; но в ее деятельности надобно отличать две стороны: человеческую и государственную, и ошибки ее в первом отношении не могут заслонять перед нами незабвенных ее заслуг в последнем, а притом Екатерина и как человек является по большей части мудрою, благою, великою. В сердце ее не было ни холодности, ни жестокости; ее поступки в домашнем, как и в царственном быту представляют множество примеров великодушия, милости и сострадания. Она ценила сопряженное с положением монарха счастье делать добро, и обильно пользовалась этим счастьем. Но Екатерина была человек: если для виновного подданного пред судом правды и закона бывают

смягчающие обстоятельства, то не должны ли таковые существовать и для монарха пред судилищем истории? Недавно один французский писатель, г. Рамбо, с редким беспристрастием заметил: «Екатерина II может только выиграть от ближайшего с нею знакомства; настоящая история всегда будет к ней снисходительнее памфлетов, долго заступавших ее место»*. Судя по этому отзыву, можно ожидать, что наконец и западно-европейская литература будет отдавать справедливость бессмертной императрице. С другой стороны будем надеяться, что сами русские станут более прежнего относиться к ней с осмотрительною критикой.

Последовавшее в 1873 году открытие памятника Екатерине II³ представляется знаменательным событием и в отношении к разработке ее истории. Со всенародным признанием ее заслуг перед целым миром, с торжественным заявлением общего уважения к ее памяти должен наступить у нас новый период в оценке разных сторон ее царствования. Теперь величие ее утверждено несомненно: разнообразные суждения о частностях ее дел и характера уже не могут быть опасны для ее славы. Конечно, полной, совершенно удовлетворительной истории Екатерины еще нельзя ожидать в скором времени, но мы можем уже стремиться к такой истории. Мы обязаны теперь, с обильными источниками в руках, беспристрастно исследовать разные отрасли ее деятельности, отдельные события ее царствования, взвешивать стороны ее характера, и таким образом готовить предварительные труды для обширного исторического здания. Иметь памятник Екатерины и не иметь ее истории, написанной русским и в России, служило бы не к чести нашего образования и нашей науки.

Как ни разнообразны суждения писателей о нравственном достоинстве и душевных качествах Екатерины, но в одном все согласны: в признании силы ее воли, величия ее ума и многосторонности познаний. Не многие исторические лица так поражают воображение своею необыкновенною судьбою и блестящими успехами, как Екатерина. Но в этой судьбе еще не столько замечательно самое возвышение Екатерины, сколько удивительное соответствие между потребностями нового положения и способностями ее, совершенная подготовка, которая в ней оказалась для выпавшего на долю ее великого призвания. Тридцати трех лет от роду она является на престоле уже в пол-

* *Rambaud A. L'Impératrice Catherine II dans sa famille // Revue des deux Mondes. 1874. 1 Févr.*

ном развитии своей государственной мудрости и мощного характера. Но ключ к ее энергической деятельности скрывается в предшествовавших обстоятельствах, в тех восемнадцати годах, которые она перед тем прожила при русском дворе; не без значения для ее будущего и ранняя молодость, проведенная ею в Германии. Одну из самых интересных задач для историка составляет исследование вопроса: как образовался постепенно этот характер, как скопились те сокровища опытности и знания, которыми обладала Екатерина; как могло в слабой женщине развиться такое изумительное могущество духа, такая твердость и последовательность воли; откуда могла принцесса, вступившая на политическое поприще уже пятнадцати лет от роду, взять такое глубокое образование, такие разнообразные и обширные сведения?

Конечно, ответ на эти вопросы заключается главным образом в необыкновенных дарованиях Екатерины и в самом ходе событий ее жизни; нельзя, однако ж, не придавать некоторого значения и воспитанию ее в детстве, а также и тем занятиям, которыми она впоследствии старалась восполнить свое образование. Как ни скудны указания на этот предмет, находимые в источниках, постараемся воспользоваться всеми материалами, какие до сих пор имеются для разъяснения вопроса о воспитании и подготовке Екатерины.

Взглянем наперед на родственные ее отношения.

Гольштейн-Готторпский дом состоял из двух линий — старшей и младшей, которые пошли от двух родных братьев: владетельного герцога Фридриха II и епископа Любского Христиана-Августа⁴.

Герцог Фридрих, служа в шведской армии, был убит в 1702 году при Клиссове и оставил сына Карла-Фридриха, который женился на старшей дочери Петра Великого Анне и сделался отцом Петра III.

Христиан-Август, женатый на принцессе Баден-Дурлахской Альбертине-Фридерике, имел дочь Иоанну-Елизавету, которая вышла замуж за Христиана же Августа Ангальт-Цербстского и сделалась матерью Екатерины II.

Таким образом, Петр III и Екатерина II принадлежали к двум разным линиям Гольштинского дома и были троюродные брат и сестра.

У Иоанны-Елизаветы был брат Карл, следовательно, дядя Екатерины II, сделавшийся после своего отца епископом Любским. Он в 1726 году приехал в Петербург и был помолвлен на

Елизавете Петровне; но здесь и скончался женихом, двадцати лет от роду*.

Вот причина дружеских отношений, которые еще до приглашения Екатерины II в Петербург существовали между русским двором и Ангальт-Цербстским домом; в 1742 году императрица Елизавета Петровна прислала Иоанне-Елизавете богато украшенный брильянтами портрет свой на андреевской ленте**.

Иоанна-Елизавета родилась в 1712 году; рано лишившись отца, она поступила под опеку Брауншвейг-Люнебургского герцога, а потому и бракосочетание ее в 1727 году совершилось при его дворе. Супруг ее принц Ангальт-Цербстский был двадцатью годами старше ее. Состоя в службе прусского короля, он получил команду над Ангальт-Цербстским полком и поселился в месте стояния его — Штеттине, где с небольшими промежутками и прожил много лет, занимаясь улучшениями по своему полку и окончанием крепостных построек. Впоследствии он был комендантом, а еще позднее губернатором Штеттина, и в этой должности возведен был в звание фельдмаршала***.

Уже два года после брака, следовательно, когда отцу было тридцать девять лет, а матери семнадцать, именно 2 мая (21 апреля ст. ст.) 1729 года, родилось у них в Штеттине старшее дитя, София Августа, впоследствии знаменитая Екатерина II. По должности отца они жили тогда в угловом доме большой соборной улицы.

В характере матери, как известно из записок Екатерины, были темные стороны; трудно очистить ее память от упрека в властолюбии, тщеславии, неуживчивости и склонности к интриге. Но она одарена была блестящими способностями и отличалась наблюдательностью; некоторые из ее свойств, в которых ее обвиняют, могли бы, при других обстоятельствах, явиться в более благоприятном свете, и, кажется, отчасти отразились в ее гениальной дочери. И для матери, по-видимому, тесно было в маленьком немецком княжестве; отсюда ее страсть к путе-

* О помолвке и смерти его см. «Историю» С. М. Соловьева (Т. XIX. С. 82, 84, 96, 103).

** Он стоил 18 000 рублей и был отвезен в Цербст секретарем русского посольства в Берлине (*Zedler. Universal Lexicon, LXI, статья «Zerbst», S. 1595*).

*** В жизни отца Екатерины есть одна малоизвестная, но любопытная подробность: в год бракосочетания дочери он был избран частью курляндского дворянства в герцоги, но этот выбор остался без последствий (см. там же). Супруга его, бывши в России, очень хлопотала о возведении его в этот сан.

шествиям; везде ей было лучше, нежели дома, и наконец она умерла в Париже. Частые ее отлучки были причиною, почему ее дети, София Августа и меньшой сын Фридрих Август (младше сестры пятью годами) отданы были на попечение бабушки их в Гамбурге *. В первые четырнадцать лет жизни, проведенных в Германии, Екатерина несколько раз переменила местопребывание: была и в Брауншвейге, и в Киле, и в Берлине, и уже из этого легко понять, что она не могла получить последовательного воспитания; но за то эти самые переезды служили ей своего рода средством к образованию, доставляя случаи к наблюдению нравов, знакомя ее с разными дворами, развивая в ней общительность характера, знание света и людей. Первое воспитание было дано ей матерью. Жизнь двора в Цербсте и в Штеттине отличалась крайнею простотою, отсутствием всякой роскоши; дети чувствовали большое уважение к отцу, которого строгость умерялась более мягким обращением матери. Из учителей ее в Штеттине Форстер называет французского придворного проповедника Перара (Pérard); ** однако ж этого имени не встречается в сведениях, сообщаемых самою Екатериною. В разных собственноручных заметках и в письмах своих позднейшего времени она не раз называет свою воспитательницу г-жу Кардель и некоторых из своих наставников ***. Тогда почти во всех немецких городах были французы, покинувшие отечество вследствие отмены нантского эдикта, и французские философы уже вступили в сношение со всеми дворами. Везде слышалась французская речь, везде преобладало французское образование. Естественно, что Екатерина, встречаясь с этим элементом и дома, и в Берлине у Фридриха II, полюбила французскую литературу. Уже мать ее не дурно писала на этом языке; Екатерина вполне усвоила себе дух его и выражалась на нем совершенно свободно, с редким знанием его идиотизмов ****. При дворе

* Она жила до 1756 года.

** I. M. Forsters Kurze Uebersicht der Geschichte Kataerina d. Zweiten, Halle, 1797. О предыдущем: Brautreise 5.

*** Вот еще воспоминание Екатерины II из ее детства: «Je me souviens très bien de M-me de Munchhausen née Schoulenbourg, si c'est elle qui avec la comtesse Gianini etait demoiselle d'honneur de la duchesse premiere douainiere de Bronswig, qui demeurait au Grauenhof et chez laquelle ma mère avait ete elevée; j'étais alors une etourdie de profession, mais fort gaie» (Marcard. 3 t. Verhältnisse, P. 318).

**** Как нелепо уверение Массона, что она не умела писать по-французски, что перешло и в «La France lit.» de Querard. См. также Са-

Фридриха II господствовала любовь к науке и искусству; неудивительно, что на Екатерине, воспитанной под влиянием этого двора, отразился дух его. В переписке своей с энциклопедистом Гриммом Екатерина сообщает некоторые подробности о своем детстве. По-видимому, Гримм, из писем которого к ней лишь немногие сохранились, интересовался данными для ее биографии и даже собирался с этою целию побывать в Штеттине. Относительно г-жи Кардель мы находим в этой переписке знаменательный отзыв императрицы: «Одна m-lle Cardel знала все, ничему не учившись, — почти так же, как и ее воспитанница». Другом и советником г-жи Кардель был придворный проповедник в Штеттине, Моклер, часто ее посещавший, особливо по воскресеньям. Этот Моклер был женат на дочери историка Рапена Тойраса⁵ и, кажется, издал его английскую историю. Брат ее был регирунгсратом в том же городе. «Все это, — говорит Екатерина, — жило рука об руку с г-жою Кардель и очень интересовалось ее воспитанницею»*.

Кроме г-жи Кардель, императрица еще называет учителей письма: французского, Лорана, и немецкого, Вагнера. Первый, живший в Штеттине еще в 1772 году, был очень прост и глуп, но, по сознанию самой императрицы, хорошо заслужил деньги, которые ему платили за уроки. Он был кальвинист и вовсе не знал немецкого языка. «Г. Лоран, — говорит Екатерина, — учил меня царапать по-французски, но почтенный пастор Вагнер перевернулся бы в гробу, если б узнал, что кого-нибудь другого, кроме него, подозревают в обучении меня немецкому письму».

По этому же предмету императрица однажды, в 1776 году, писала Гримму: «Для чего вы поедете в Штеттин? Вы там уже никого не найдете в живых, кроме разве г. Лорана, дряхлого старика, который был очень плох в молодости; но если вы не можете освободиться от этого поползновения, то знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма в Мариинской церковной ограде; что я жила и воспитывалась в том флигеле дворца, что налево, когда взойдешь на большую дворцовую площадь; что я занимала наверху три комнаты со сводами возле церкви, составляющей угол; колокольня была смежна с моею спальней. Там-то меня умудряла г-жа Кардель, а г. Вагнер наставлял своими Prüfungen⁶; оттуда же я два или три раза в день скакала через весь флигель к моей матушке, которая занимала другой

thar. II. Иначе судит Rambaud в статье Cath. II et ses Correspondants français в Revue d. d. Mondes 1877, 15 Juin.

* Подлинные письма Екатерины II к Гримму.

конец. Но во всем этом я не нахожу ничего особенно интересного, разве вы, может быть, полагаете, что местность служит или способствует к образованию сносных императриц: в таком случае вам бы надо предложить прусскому королю устроить там рассадник в этом вкусе, на пользу желающих»⁷.

В другой раз Екатерина прибавляла, что Вагнер не знал французского языка; когда же Гримму показалось, что императрица несправедлива к этому немцу, то она заметила: «Я во все не нападаю на г. Вагнера, но глубоко убеждена, что он был глупец, а г-жа Кардель была девица с большим умом».

Наконец однажды она писала, вероятно, об учителе музыки: «Что до бедного Беллига (Boellig), то я вам никогда не упоминала о нем, ибо вам известно, как плодотворны были его уроки; с ним был всегда человек, который выл басом; он заставлял его петь в моей комнате; я слушала его и говорила про себя: он ревет как пол; но г. Беллиг приходил в восторг, только что горло его баса зашевелится».

Общий взгляд Екатерины на ее воспитателей можно видеть из следующих строк ее к Гримму: «Вы впали в ужасную ошибку: вы считаете г. Лорана лютеранином, тогда как этот школьный учитель был кальвинист, который не мог читать Tischreden Лютера, потому что не знал немецкого языка и презирал Лютера. Эти Tischreden составляли отраду старой двоюродной бабушки моей матери: она ссылалась на них кстати и некстати, а кривотолк (*l'esprit gauche*, т. е. сама Екатерина) по-своему принимал все то, что ему восхваляли; вот что случалось и с г-жею Кардель и с Вагнером каждый Божий день, потому что не всегда знают, что думают дети, и трудно узнать детей, особенно когда доброе воспитание приучило их слушать с покорностью, они же по опыту сделались покорны в своих речах перед наставниками. Из этого вы потрудитесь вывести то прекрасное правило, что не следует слишком бранить детей, но надо внушать им доверие, чтобы они от вас не скрывали своих неловкостей; впрочем, конечно, для школьных учителей гораздо удобнее выказывать свое властолюбие, чтобы заправлять целым домом».

Иногда императрица припоминает и другие черты своего детства. В Гамбурге шведский вельможа граф Гюлленборг заметил, что мать Екатерины мало ценит ее, и сказал, что это несправедливо, потому что девочка не по летам развита. Тогда же от внимания его не укрылось, что у нее философский ум. В одной из своих позднейших записок Екатерина пишет: «Самым унижительным положением мне всегда казалось быть об-

манутой: бывши ребенком, я горько плакала, когда меня обманывали, и напротив с увлечением делала все, чего от меня требовали, даже и то, что мне не нравилось, когда мне объяснят настоящие причины» *.

Из этого признания видно, как рано в Екатерине развилось чувство собственного достоинства и гордости. Предчувствие будущего величия еще в детские годы было пробуждено в ней. Она сама впоследствии рассказывала, что когда года за два до прибытия в Россию ей случилось быть с матерью в Брауншвейге, где Иоанна-Елизавета окончила свое воспитание, то один каноник, имевший дар предвещаний, сказал ее матери: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Отведя ее в сторону, он прибавил много удивительных подробностей, но она просила его не разглашать их.

Судьба втайне работала в пользу юной принцессы, отличенной всеми дарами природы. Около середины прошлого столетия два мелкие немецкие владения приобретают великое значение для России. Это — Голштиния и Цербст. Петр Великий, отдавая старшую дочь свою за Голштинского герцога, конечно, не предвидел, что будущий внук его от этого брака некогда займет престол его. Так и Фридрих II, устраивая брак Петра III с Ангальт-Цербстскою принцессою, не предугадывал, кого и что он дает России. Выше мы уже видели, что еще прежде нежели родилась мысль об этом браке, в Цербсте завязался узел многознаменательных для будущего сношений с Россией. По словам самого Фридриха, «из всех немецких принцесс в брачном возрасте ни одна так не отвечала видам и России и Пруссии, как принцесса Ангальт-Цербстская». Ей не было еще и пятнадцати лет, но она была уже велика ростом и очень развита. «Молодая принцесса, — писал Фридрих, — с игривостью и веселостию своего возраста, соединяет дарования ума и достоинства сердца». Согласно с намерениями прусского короля действовали и посланник его в Петербурге Мардефельд, и приехавший туда с портретом принцессы дядя ее Август, сделавшийся после старшего брата своего епископом Любским **. Замечательна тайна, которою были обставлены приготовления к задуманному браку. Мардефельд искусно скрывал свои сношения по этому

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 89.

** По сведениям Гельбига, этот портрет Екатерины был писан знаменитым Пенем (Antoine Pesne, род. в Париже 1683 г., ум. 1757 г.) в Берлине, куда она приезжала тогда из Штеттина (Biogr. Peter des Dritten, 48).

делу от канцлера Бестужева, со стороны которого можно было ожидать противодействия, а Фридрих II писал матери невесты: «Крайне нужно соблюсти тайну, и потому я полагаю, что Ее Императорскому Величеству будет приятно, если вы отправитесь из Германии безо всякой огласки и так, чтобы в особенности не проведал о том сам гр. Чернышев, ее министр в Берлине. Мне кажется, согласно будет с волею Ее Величества, если и князь супруг ваш покамест останется в неведении этой тайны и если вы начнете ваше путешествие поездкою в Штеттин и уже оттуда направитесь в Петербург, ничего не оглашая в Германии».

Таким образом, не только цель путешествия, но и место назначения его должны были оставаться тайною: употреблена была хитрость для прикрытия истины, как будто дело шло о преступном замысле. Княгиня-мать не сочла, однако же, позволительным действовать в таком важном семейном вопросе тайно от своего супруга. Она созналась Фридриху в этом нарушении его желания. «Князь, — прибавляла она, — изъявил согласие. Путешествие, особливо в теперешнее время года (письмо от 4 января 1744 года), естественно страшит нас, женщин. Но этот страх меня не остановит. Мое решение твердо: я вполне убеждена, что все это делается по воле Провидения и что Оно, конечно, поможет мне преодолеть те опасные трудности, на которые немногие бы отважились» *.

План Фридриха вполне удался. Елизавета Петровна до того усвоила себе его виды, что по прибытии невесты сказала Бестужеву:

«Много говорили мне в пользу французской принцессы; приходила мне на мысль и королевско-польская (саксонская) принцесса, но окончательно я сочла за лучшее избрать принцессу протестантской веры и притом хотя и из владетельного, но такого маленького дома, чтобы ни иноземные связи его, ни свита, которую она привезет или привлечет за собою, не произвели в русском народе ни шума, ни зависти. Эти условия не соединяла в себе ни одна принцесса в такой степени, как Цербстская, тем более, что она и без того уже в родстве с Голштинским домом» **.

Во второй половине января 1744 года Иоанна-Елизавета повезла дочь свою в Россию. Они прибыли в Петербург 3 февраля,

* «Осмнадцатый век» г. Бартенева, I, 16; *Correspondance de Frédéric II. Berlin, 1854. X, 579 и др.*

** *Herrmann. Gesch. d. Rus. Staats. V. 77; Siebigk. Katharina d. zw. Brautreise nach Russland. 10, 11.*

а 9-го были в Москве. 28 июня (знаменательный в жизни Екатерины день) невеста приняла православный закон и произнесла символ веры на церковнославянском языке. Самое бракосочетание замедлилось по случаю тяжкой болезни великого князя и совершилось не прежде 21 августа 1745 года.

Разные любопытные подробности об этой эпохе жизни Екатерины известны из писем ее матери и из собственных ее рассказов. Отметим здесь те черты, которые относятся к нашему предмету.

Яркий свет на тогдашнее настроение Екатерины бросает следующее сознание ее: «В ожидании брака сердце не обещало мне много счастья. Одно честолюбие меня поддерживало; у меня в глубине сердца было что-то такое, что никогда не давало мне ни на минуту сомневаться, что рано или поздно я сделаюсь самодержавной повелительницей России».

Как держала себя Екатерина во время приготовления к переходу в православие и при самом этом торжественном событии, видно из одного письма ее матери: «Легкость, с какою дочь моя училась с тех пор, как существует, дала ей возможность скоро понять и удержать в памяти это чтение, и две недели тому назад я могла известить Ее Величество, что она в состоянии предстать пред алтарем. Все утро перед богослужением великая княжна проплакала, но не проронила ни слезинки в продолжение самого торжества. Она прочла исповедание твердым и ясным голосом и, удивляя всех своим выговором (русского языка), произнесла все части не запнувшись ни на одном слоге. На вопросы она отвечала с уверенностью и твердостью. С тех пор, как вошла в церковь и во все время обряда она держала себя с таким достоинством и грациею, что я восхищалась бы ею, если б не была ее матерью» *.

Здесь мы видим первый успех будущей императрицы в старании, которое она так постоянно обнаруживала, сделаться истинною дочерью своего нового отечества.

Уже с раннего детства она, живя в Штеттине, наслышалась рассказов о Петре Великом, о победах русского войска, о быстрых успехах русского народа при гениальном государе, и все это не могло не оставить глубокого впечатления в восприимчивом уме молодой принцессы. Надобно отдать Елизавете Петровне справедливость в том, что она вполне понимала необходимость поскорее обрусить новоприбывшую, и умно поощряла ее собственное стремление к тому. Еще до приезда Екатерины

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 30, 33, 34.

императрица заботилась об образовании в этом смысле ее придворного штата. Мардефельд в январе 1744 года доносил Фридриху, что императрица решила устроить для принцессы двор, составленный исключительно из лиц русской национальности (une cour composée uniquement de personnes de la nationalité russe), говорящих по-немецки и по-французски*. Действительно, по прибытии принцессы к ней назначены были между прочим русские камер-юнкеры. «Это, — замечает сама она, — было мне очень по душе: старшей из этих молодых девушек не было и 20 лет; все они были очень веселого нрава, и я с этой минуты во весь день только и делала, что пела, плясала, резвилась». С приезда в Россию, с четырнадцатилетнего своего возраста, Екатерина никогда более не видела Германии, и связь ее с родиной мало-помалу совершенно порвалась: скромный Цербст, тихий Штеттин, по замечанию К. Шлецера**, навсегда скрылись от взоров молодой принцессы, для которой на чужбине должны были осуществиться мечты величия, пышности и славы; о путешествии в Германию она ни великою княжною, ни еще менее императрицею не могла уже думать. Из ее ближайших родных долее прочих оставался в живых только брат ее Фридрих Август, как владетельный князь Цербстский, последний из своего рода, человек непостоянного нрава, рано уже разошедшийся с сестрою вследствие серьезных несогласий. Отец ее Христиан Август, старый фельдмаршал, умер уже в 1747 году, через три года после разлуки с дочерью. Мать, которая в последние годы своей беспокойной жизни избрала местопребыванием Париж, скончалась там в печальных обстоятельствах в 1760 году.

Так Россия должна была в близком будущем заменить для Екатерины все: и родину, и семейство.

Вскоре по прибытии в Москву к ней были назначены три преподавателя: Симон Тодорский, для наставления в законе Божиим (он же был прежде наставником Петра III), Василий Адодуров, для обучения русскому языку⁸, и Лоде, для уроков танцевания⁹.

В отношении к религии Екатерина, вопреки отцу своему, который сначала противился ее переходу в православие, пришла к убеждению, что для истинного христианина исповедные различия не могут иметь большого значения. Однажды, когда, быв невестою, она тяжко занемогла и состояние ее здоровья

* Brautreise, 14.

** *Schlözer K. von. Friedrich d. Gr. u. Katharina II. 234.*

ухудшилось, мать предлагала послать за лютеранским пастором. Узнав о том в минуту возвращения к памяти, Екатерина сказала: «К чему это? Пошлите лучше за Тодорским: я с ним переговорю охотно». Его привели, и все присутствовавшие остались довольны его беседою.

Как усердно Екатерина занималась русским языком, вставая рано и читая русские книги еще в постели, известно по преданию и подтверждается ее записками. Через год после назначения к ней учителей, именно за обедом при праздновании дня рождения будущего ее супруга (10 февраля 1745 года), императрица выразила ей удовольствие за русские письма, которые она писала в Хотилово, где Елизавета Петровна оставалась при больном великом князе. Государыня при этом похвалила ее за старание выучиться русскому языку. «Правду сказать, — прибавляет Екатерина, — эти письма сочинял Адодуров, но я их писала своею рукою». Елизавета Петровна говорила по-русски, просила отвечать на том же языке и хвалила хорошее ее произношение.

Из всего, что Екатерина писала по-русски, видно, что она действительно усвоила себе дух языка, знала его идиотизмы и кстати пользовалась простонародными поговорками, но ее орфография и вся грамматическая часть не говорят в пользу ее учителя. Впрочем, не надобно, конечно, забывать, что даже родного, т. е. немецкого, языка ей не преподавали теоретически, что, следовательно, основания общей грамматики остались ей совершенно неизвестны и что при таком условии невозможно было научиться правильному употреблению трудного и по своим формам совершенно нового для нее чужеземного языка. Екатерина сама очень хорошо чувствовала этот пробел в своем образовании *: однажды, когда Сегюр и де-Линь удивлялись ее учености, она заметила им, что в ней можно найти много пищи для критики, что напр. она «поминутно делает ошибки в языке и правописании»¹⁰. Через Адодурова великая княжна иногда требовала книг из Академии наук. Так, в феврале 1745 года Шумахер, вследствие ее приказания, при письме к Адодурову, послал для употребления ее каталоги академической библиотеки и книжного магазина **. Сама Екатерина свидетельствует, что по возвращении из Москвы в Петербург в конце 1744 года

* Il est difficile d'écrire bien quand on ne sait la grammaire d'aucune langue, voila mon cas. (Из черновика письма Екатерины II к Бюффону 6 ноября 1782).

** Пекарский. История Академии наук. I, 513.

она вела жизнь уединенную и для своих пятнадцати лет была довольно прилежна, занимаясь особенно русским языком и покупая себе книги.

В это время она вторично встретила с шведом Гюлленборгом, когда он привез в Петербург известие о браке ее дяди с шведской принцессой. Гюлленборг, помня впечатление, произведенное ею на него в Гамбурге, спросил великую княжну, как идет ее философия в водовороте новой жизни. Она рассказала ему о своих кабинетных занятиях. Он предостерег Екатерину против окружавших ее опасностей, среди которых, по его словам, могла устоять только необыкновенная натура, и советовал ей читать серьезные книги, именно жизнеописания знаменитых людей, Плутарха, жизнь Цицерона, «Причины величия и падения римской республики», Монтескье. Екатерина тотчас послала за этими книгами, которые и отыскивались, хотя не без труда, в тогдашнем Петербурге. Тогда же ею написана была для Гюлленборга записка под заглавием: «Портрет пятнадцатилетнего философа». К сожалению, этот драгоценный документ не сохранился*. Впоследствии, около 30 лет от роду, Екатерина, перечитав свою записку, сама удивилась глубокому самопознанию, которое тут выразилось. По прочтении «Портрета» Гюлленборг подробно развил на двенадцати страницах свои мысли о великой княжне, стараясь укрепить ее возвышенный дух, ее твердость и другие качества ума и сердца. Екатерина перечитала несколько раз ее замечания и дала себе слово следовать его советам; «а когда я себе что-нибудь обещала, — прибавляет она, — то не помню, чтоб когда-либо не исполняла того. Это рассуждение Гюлленборга много способствовало к образованию и укреплению моего ума и духа».

Относительно занятий Екатерины до ее вступления на престол мы узнаем из ее собственных рассказов, что она в первое время после замужества своего беспрестанно читала. Первая книга, тогда прочитанная ею, был роман *Tiran le blanc***, и це-

* Подлинник был возвращен Гюлленборгом Екатерине, которая сожгла эту бумагу. «Снял ли он себе копию с нее, — говорит она, — я не знаю» (Мем. 30). В бытность мою в Швеции прошлого года, я справлялся о том, где находятся бумаги Гюлленборга, и узнал, что они переданы в библиотеку Упсальского университета, но здесь никакого следа этого обмена мыслей Екатерины с шведским вельможей не оказалось.

** Заглавие: *Histoire du vaillant chevalier Tiran la Blanc / Traduite de l'espagnol. Amsterdam (б. г.), в 4-х ч., 2 т.* Подлинник упоминается в 6-й главе 1-й части «Дон-Кихота». Автор неизвестен, но жил, ве-

лый год она читала одни романы, но они начинали ей надо-
 едать. «Случайно, — говорит она, — я достала письма г-жи Се-
 винье и проглотила их: это чтение мне понравилось». Оно при-
 несло ей и большую пользу, прибавим мы с своей стороны: под
 его влиянием она вполне усвоила себе легкость, непринужден-
 ность, игривость, какими должен отличаться этот род автор-
 ства, и частные письма ее на французском языке сами могут
 служить образцами эпистолярного слога. После того ей попа-
 лись под руку сочинения Вольтера: и чтение их составило эпо-
 ху в ходе ее самообразования; мы знаем из собственного ее сви-
 детельства в записках, что с тех пор она «стала искать книг
 с большею разборчивостью». То же самое императрица в другой
 раз высказала самому Вольтеру. «Могу вас уверить, — пишет
 она ему во второй год своего царствования, — что с 1746 года,
 когда я стала располагать своим временем, я чрезвычайно мно-
 го вам обязана. До того я читала одни романы, но случайно мне
 попались ваши сочинения; с тех пор я не переставала их читать
 и не хотела никаких книг, писанных не так хорошо и из кото-
 рых нельзя извлечь столько же пользы. Но где их найти? Итак,
 я возвращалась к этому первому возбудителю моего вкуса и ви-
 новнику моих самых дорогих развлечений. Конечно, если у ме-
 ня есть какие-нибудь сведения, то я ему одному обязана ими» *.

Такое сознание Екатерины о значении для нее Вольтера чрез-
 вычайно важно в истории ее умственного развития. Зная харак-
 тер тогдашнего общества и видя в то же время, как Екатерина
 была чужда господствовавших предрассудков, сколько она об-
 наруживала простоты, здравого смысла и тонкого вкуса, мы не
 можем не приписывать хотя отчасти ее просвещенного образа
 мыслей действию писателя, который своим язвительным пером
 преследовал педантизм, ханжество и всякое невежество. Но
 вместе с тем нас поражает, с другой стороны, и та степень само-

роятно, около 1400 г.; роман же, по соображениям фр<анцузско-
 го> переводчика, должен быть написан около середины XV века.
 Вот объяснение названия. Герой романа говорит: «Je m'appelle
 Tiran le Blanc, par ce que mon père est Seigneur de la Marche de Ti-
 rannie, qui n'est separée de l'Angleterre que par un petit trajet de
 mer. Ma mère, fille du Duc de Bretagne, se nomme Blanche. Ainsi,
 pour conserver les deux noms, on m'a donne celui de Tiran le Blanc»¹¹.
 Разумеется, что содержание — сбор рыцарских подвигов и чудес-
 ных приключений.

* Замечателен также отзыв ее о Вольтере по смерти его в письме
 к Гримму.

стоятельности, какую при таком влиянии сохранял оригинальный и твердый ум Екатерины. В отношении к религии и к некоторым общественным вопросам она нисколько не подчинялась обаянию Вольтера и в переписке с ним умела с удивительным тактом отвечать то внушительным молчанием, то ловким возражением на его не всегда приличные выходки.

При ее любознательности, восприимчивом уме и счастливой памяти чтения Екатерины получают в наших глазах особенную важность. Так смотрела на них сама она и потому-то в своих записках указала почти на все, по крайней мере главное, что было ею прочитано до восшествия на престол.

Когда в первые годы после брака великого князя двор отправлялся в Ораниенбаум, Екатерина брала туда с собою книги; так, в 1747 году, пока там проводили время в охоте, верховной езде, музыке и т. п., она читала жизнь Генриха IV, известное сочинение Перефикса (Hardouin de Beaumont de Pèrèfixe *, а потом записки Брантома, которые очень заинтересовали ее **.

Года через два, будучи в Москве, она начала от скуки читать «Историю Германии», сочинение каноника Св. Женеьевы, отца Барри, в 9 томах в 4-ку, и каждую неделю оканчивала один том. После того прочла она сочинения греческого философа Платона, а затем принялась за словарь Бейля, и на каждый том его употребляла по полугоду. «Можно судить, — замечает Екатерина, — в каком уединении я проводила время». При бывшем в Москве пожаре дворца она кончала 4-й том словаря Бейля, и очень боялась за свои книги; к счастью, однако ж, они были спасены ***.

В 1754 году, оправившись после рождения великого князя и скучая в одиночестве, она продолжала чтение «Истории Германии», читала «Всемирную историю» Вольтера, а потом разные русские книги, какие могла достать; между прочим два огромные тома Барониуса в русском переводе. Эта книга, одно из важнейших сочинений по церковной истории, доведенной в нем до конца XII века, издана по-русски при Петре Великом,

* Род. в 1605, ум. в 1670, наставник Людовика XIV, впоследствии архиепископ. Парижский академик. Написал также *Institutio principis*.

** Brentôme (1540—1614), сперва военный, потом придворный при Карле IX, в легких и забавных рассказах описал соблазнительные нравы высшего общества своего времени.

*** О чтениях Екатерины II ср. Щебальского «Екатерина II как писательница» (Заря. 1869. Февр. С. 123 и др.).

в 1719 году, под заглавием: *Деяния церковные (Annales ecclesiastici)*. Автор ее, Кесарь Барониус, живший в XVI столетии († 1607 г.), был кардиналом и ватиканским библиотекарем. На русский язык она переведена с польского сокращения иезуита Скарги, причем исключено многое несогласное с учением православной церкви *. Затем Екатерина обратилась к знаменитому сочинению Монтескье *Esprit des Lois*, а по окончании его к «Летописям» Тацита. «Последнее сочинение, — говорит она, — произвело в моем уме странный переворот, которому, может быть, немало способствовало тогдашнее грустное мое расположение. Я стала видеть многое в темном свете и отыскивать в предметах, представлявшихся моим взорам, более глубокие причины, зависевшие от разнородных интересов».

Но не из одного чтения Екатерина почерпала новые познания. Другим плодотворным источником обогащения ума были для нее устные рассказы. В этом отношении особенную пользу оказала ей императрица около 1750 года, уволив бывшую при великой княгине камерфрау мадам Крузе и назначив на место ее Прасковью Никитичну Владиславову (Владиславлеву?), тещу главного приказчика графа Бестужева, советника Пуговичникова, женщину высокого роста, с приятными приемами и умною, привлекательною физиономиею. Камердинер Тимофей Евреинов, пользовавшийся доверием Екатерины, сказал ей, что это неглупая и веселая, но очень хитрая особа, с которою сначала надо держать себя осторожно. Впоследствии оказалось, что ей были известны все анекдоты прошлого и настоящего времени: она знала четыре или пять поколений каждой фамилии и твердо помнила родословную всех отцов, матерей, дедушек, бабушек и предков по мужской и женской линии. Вдобавок она была общительна, словоохотлива, умела рассказывать. Великая княгиня в минуты досуга или скуки заставляла ее говорить, и таким образом никому, столько как ей, не была обязана знакомством со всем, что происходило в России в последние сто лет.

Пытливый, изобретательный и не бесхитростный ум Екатерины везде умел находить новые источники для расширения своего кругозора. Во время опасной болезни, постигшей ее уже в первое время пребывания в России, «я привыкла, — говорит она, — лежать с закрытыми глазами; меня считали спящею; тогда графиня Румянцова (приставленная к великой княгине)

* Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом I, 327.

и другие женщины высказывали все, что у них было на сердце, и я узнавала очень многое».

Удивительно ли, что, соединяя с своим проницательным умом величайший такт и необыкновенное благоразумие, Екатерина поражала своим существом всех приезжавших ко двору Елизаветы Петровны иностранцев? В 1755 году, следовательно, через десять лет после вступления в брак Екатерины, английский посланник Вильямс¹² писал: «С самого прибытия в эту страну она всеми зависевшими от нее средствами старалась приобрести любовь русских. Она прилежно училась их языку и теперь говорит на нем, как меня уверяют, превосходно. Ей также удалось снискать в высшей степени общую любовь и уважение. Она обладает обширными познаниями об этом государстве и пристально его изучает» *.

Спустя год, перед открытием Семилетней войны, тот же Вильямс сообщает: «Деятельность Екатерины очень велика. Она объявила, что кто предпримет разорвать союз между Россией, Англией и Австрией, тот будет почитаться врагом России. Ее в этой стране не только любят, но уже и боятся, и даже те, которые в лучших отношениях с императрицею, ищут, однако ж, всякого случая под рукою угождать великой княгине».

Действительно, с самого появления своего при русском дворе, Екатерина, несмотря на свою молодость, вела себя чрезвычайно обдуманно. Верность наблюдений Вильямса подтверждается собственными ее словами, доказывающими как последовательны были все ее поступки. «Я со всеми обращалась, — говорит она, — как можно лучше, и тщательно изучала средства приобрести дружбу или по крайней мере уменьшить вражду тех, кого могла подозревать в недоброжелательстве к себе. Я не обнаруживала предпочтения ни в какую сторону, ни во что не мешалась, показывала всегда ясный вид, много предупредительности, внимания и учтивости ко всем, и так как я от природы была очень веселого нрава, то с удовольствием видела, что день ото дня приобретала более привязанности в публике, которая смотрела на меня как на интересную и не глупую молодую особу. Я оказывала большое почтение к моей матери, беспредельную покорность императрице, глубокое уважение к великому князю и прилагала величайшее старание снискать любовь публики».

* Цит. по: *Raumer Fr. Beiträge* II, 295; *La cour de Russie il y a cent ans*, 168.

С этим отчетом Екатерины в своем поведении любопытно сравнить те правила, которые она впоследствии, будучи императрицей, высказывала и предначертывала в отношении к первой невесте великого князя перед приездом ее в Россию. Они изложены в собственноручных инструкциях государыни, данных генералу Ребиндеру и барону Черкасову, для приема Гессен-Дармштадтской ландграфини с ее дочерьми. Там Екатерина с особенною настойчивостью повелевает первому: «давать почувствовать как им, так и разумнейшим из их свиты: что *нет в свете двора, при котором бы все были одинакового мнения**, и потому, — прибавляет она, — мне было бы необыкновенно приятно, если бы ландграфиня, при своем прибытии, всячески старалась вообще со всеми и каждым иметь равное обращение и чтобы она благосклонностию к одним не отняла у других надежды снискать ее расположение, ибо я всегда была того убеждения, что лучше обладать сердцами всех, нежели немногих, и этому обдуманному образу действий я сама обязана достижением той ступени, на которой вся Европа стала видеть меня». Особенно замечательное указание на систему поведения самой Екатерины при дворе Елизаветы Петровны заключается в выраженном тут требовании, чтобы мать невесты имела уважение не только к великому князю, но *и ко всей нации* (слова эти опять подчеркнуты в подлиннике). «Вы можете ее уверить, — заключает императрица, — что если ее образ действий в отношении ко мне будет соответствовать моим желаниям и ничьи советы не будут с ее стороны предпочитаемы моему чистосердечному руководству, то и она не только может от меня ожидать всякой предупредительности, но это будет приятно и всей нации, которая издавна не любит никакого лицепрятия и всего, что сюда относится»**.

Столь же замечательны, как плод собственных воспоминаний и долговременного опыта, написанные по тому же поводу «Наставления Екатерины II, данные великим княгиням Российским». Здесь она касается как отношений своей невестки к царскому семейству, двору, к публике и нации, к представителям иностранных держав, так и занятий и даже домоводства принцессы. Между прочим, государыня ставит ей в обязанность чтить нацию, к которой она будет принадлежать, никогда не

* Слова, напечатанные здесь курсивом, подчеркнуты самою императрицей в немецком подлиннике.

** Сборник ИРИО, т. XIII, с. 323.

говорить о ней худо как в целости, так и по отношению к отдельным лицам, далее «соображаться с обычаями нации и иметь решительную охоту говорить на языке этой обширной монархии, что должно составлять для принцессы предмет изучения, и с самой минуты прибытия своего в Петербург она непременно должна учиться говорить по-русски».

Далее следуют советы о занятиях принцессы. «Чтение образует вкус, сердце и ум; если принцесса сумеет найти в нем интерес, то это будет, конечно, всего лучше, но она может попеременно заниматься также музыкой или всякого рода рукодельями: разнообразя свой досуг, она никогда не будет чувствовать пустоты в течение дня... Столь же опасно избегать света, как и слишком любить его. Если она имеет власть над собою, которую должен усвоить себе всякий просвещенный человек, надо чтоб она не скучала светом всякий раз, когда долг будет обязывать ее быть в обществе, что будет легко, если только она захочет образовать себя разговорами с самыми просвещенными людьми. Она должна также уметь обходиться без света, прибегая к занятиям и удовольствиям, способным украсить ее ум, укрепить чувства и дать деятельность рукам»*.

Во всем этом так и слышатся воспоминания Екатерины о том, как сама она некогда проводила дни своей молодости при дворе Елизаветы Петровны. Но у ней не было тогда разумного и просвещенного руководителя, который бы с такою нежною заботливостью начертал правила поведения чужеземной принцессы.

Какая разница между этими мудрыми наставлениями, намекающими обязанности молодой великой княжны в столь общих и деликатных чертах, и теми подробными, мелочными правилами, из которых состояла писанная Бестужевым инструкция для лиц, назначенных к великой княгине Екатерине Алексеевне!*** Какою тягостною регламентациею стесняются здесь все шаги ее, какое предписывается вмешательство во все ее поступки и отношения! Здесь устанавливается даже надзор (прилежное смотрение) за исполнением ею религиозных обязанностей (чтобы Ее Императорское Высочество не токмо наружно или для вида, но и наиглавнейше внутренно и действительно во всем ее поведении нелицемерную богобоязливость и благоговейность и истинное усердие к православной греческой вере имела); уста-

* Там же, с. 336.

** См.: Архив князя Воронцова II, 98 и др.

новляется даже надзор за ее отношениями к супругу, причем повелевается «неотступно побуждать ее к уступчивости, приятности и горячности, к соблюдению доброго согласия и брачной поверенности, а в неудачливом случае немедленно вернейше о том доносить». Еще более докучными и оскорбительными подробностями связывается в этой инструкции обращение великой княгини с своими дежурными и другими кавалерами, с пажами и комнатными служителями, мунд- и кофешенками, тафельдекерами и лакеями, с которыми она должна «избегать всякой непристойной и подозрение возбуждающей фамильярности, предпочтительности одного перед другим и всяких неприличных издеваний». Наконец, указана и необходимость «не давать великой княгине в здешние государственные или голштинского правления дела мешаться или комиссии о заступлении на себя снимать, наименьше же в публичных и партикулярных делах противную сторону против своего супруга принимать». Для избежания же всякого недоразумения, какое могло бы произойти от излишней и тайной переписки, оговорено, что великая княгиня «всегда потребные свои письма в коллегии иностранных дел сочинять и к подписанию себе приносить приказать может».

Таковы были условия, в которых находилась великая княгиня. Понятно, что при ее уме ей удалось, несмотря на эти правила, достигнуть значительной независимости. Тем не менее, однако ж, она должна была беспрестанно держать себя в оборонительном положении и не могла не подвергаться неприятным столкновениям то с супругом, не признававшим никаких правил для своего поведения, то с прихотливым и мнительным характером императрицы, то, наконец, с собственной матерью, пока она оставалась в России. Особенно тяжелы были для Екатерины последние три года царствования Елизаветы Петровны, так что великая княгиня, сделавшись предметом ожесточенных интриг, должна была совершенно уединиться и даже намеревалась покинуть Россию*.

Но эта-то непрерывная борьба, вызывавшая к деятельности все духовные силы Екатерины, и была тою школою, в которой так блистательно развилась будущая повелительница России. С другой стороны, весь образ действий Петра III был для нее чрезвычайно поучителен в отрицательном смысле, указывая на ошибки, которых должно избегать, уясняя ей цели, к которым

* *Raumer Fr. Beiträge II, 204.*

следовало стремиться. Екатерина сама сознается, что по гордости души она не допускала для себя возможности быть несчастною и хотела во что бы ни стало возвыситься над обстоятельствами. Для разъяснения всего образа действий ее при дворе Елизаветы Петровны необходимо иметь в виду важное постановление, последовавшее при бракосочетании ее: что, в случае кончины великого князя бездетным, право на наследство переходит к ней*. Таким образом, в Екатерине естественно пробудилась забота готовиться к положению, которого предчувствие уже и прежде, как мы знаем, жило в душе ее. Этим объясняется, отчего и по известному плану Бестужева, относящемуся к 1758 году, в правлении Петра III должна была участвовать супруга его. Уже и ранее некоторые из иностранных дипломатов не сомневались, что она будет царствовать. Эту уверенность выразил в 1755 году посол английский. Понятно, что при такой перспективе все случавшееся при дворе Елизаветы Петровны становилось для Екатерины назидательным уроком. Мирясь с своим настоящим, с своею зависимостью, она приносила все самые тяжкие жертвы для будущего и, терпеливо выжидая обстоятельств, училась, наблюдала, размышляла, словом, сознательно, обдуманно воспитывала себя для предстоящей высокой деятельности. При ее даровитой, богатой природе неудивительно, что по осуществлении ее планов и результаты этого самовоспитания вышли необычайные.

Как занимали ее, еще до вступления на престол, государственные и политико-экономические вопросы, лучше всего видно из замечательного документа, относящегося к этому времени. Я разумею единственный ее автограф важного содержания, сохранившийся от периода, предшествовавшего воцарению Екатерины. Это писанные ею по-французски между 1758 и 1761 годами заметки о разных предметах и случаях, поражавших ее ум, выписки из ее чтений и т. п., напечатанные в 1-м томе «Бумаг Екатерины». Здесь мы находим между прочим замечательные мысли о гражданской свободе, о рабстве, о причинах смертности в простом народе, о правдивости и откровенности правительства, об открытом и гласном суде, о войне и мире, о недостатке в России домашнего воспитания, о плане женского воспитательного заведения, о политике в отношении к Польше. Словом, это как бы программа будущих царственных деяний, проба пера той же руки, которая со временем на-

* Biogr. Peters des III, 49; *Zeidler*. Univ. Lexic. S. 1597.

пишет знаменитый «Наказ». Так, исследуя историю Екатерины в первые три десятилетия ее жизни, мы всюду находим признаки будущей великой личности, открываем нити, связывающие эпоху ее славы с подготовительным периодом менее заметной, но уже знаменательной деятельности.

